

Валентина Свечникова.
Январь 1944 г.

Валентина СВЕЧНИКОВА: Я не умею

84-ЛЕТНЯЯ ЗАЩИТНИЦА БЛОКАДНОГО
ОНА ПРОПИСАНА В «СЕМЕЙНОЙ КОММУНАЛКЕ»,

Вопрос с обеспечением жильем десятков ветеранов Великой Отечественной так и остается открытым. Вот и 84-летняя Валентина Алексеевна Свечникова, защитница блокадного Ленинграда, награжденная медалью «За оборону Ленинграда», все 900 блокадных дней проведенная в осажденном городе, коренная ленинградка, ветеран труда, инвалид, вынуждена с 2008 года мыкаться по чужим квартирам. Она не божь в классическом понимании этого слова. То у одних знакомых поживет, то у других, то у дальних родственников. Своего жилья нет. Она зарегистрирована в многонаселенной квартире, «семейной коммуналке», жить в которой невозможно. Но отдельного жилья власти ей упорно не дают. За помощью Валентина Алексеевна обратилась в «Общественную приемную Балтийской медиа-группы».

КРОШЕЧНЫЙ КУСОЧЕК ПОДСУШЕННОГО ХЛЕБА ТАЯЛ ВО РТУ

Валентина Алексеевна — коренная ленинградка. Как она замечает, «родилась на 6-й линии Васильевского острова и на Васильевском острове прожила всю жизнь». Семья Гришиных (эта фамилия была у Валентины Алексеевны до замужества) жила, как и подавляющее большинство ленинградцев, небогато, в коммуналке.

— В первые дни войны в городе начался переполох. Школьников было решено отправлять на Валдай. Эшелонами. Среди детей оказались и я с младшим братиком Толей, — рассказывает Валентина Алексеевна. — Когда наш поезд прибыл на Валдай, местные жители уже стояли на платформе и «подбирали» деток, чтобы временно забрать к себе. К нам с братиком подошла пожилая супружеская пара (к сожалению, не помню, как их звали, но люди были очень добрые), забрала, привела в свой деревенский дом. Дом был деревянный, с большой русской печкой. Мы там жили где-то с месяц. Но потом наш папа, Алексей Михайлович, приехал за нами: по Ленинграду прошел слух, что Валдай скоро займут немцы, и родители стали забирать эвакуированных детей. Вот и нам сказали: «За вами папа приехал», он там-то вас ждет. И мы побежали к папе. На обратном пути в Ленинград была первая в моей жизни бомбежка. Поле, железнодорожный откос, деться особо некуда. Очень страшно было, но, к счастью, ни одна бомба в наш поезд не попала. Это уж потом в Ленинграде мы к бомбежкам привыкли. Первое-то время, услышав сигнал воздушной тревоги, еще бежали в бомбоубежище, а потом перестали, апатия какая-то нашла. Лежишь дома, слушаешь гул: «А, тяжелый бомбардировщик. Где сбросит? Вот в районе Балтийского вокзала сбросил, теперь вот на Васильевский прилетел».

Однажды бабахнуло совсем рядом, так, что дом закачался и стекла посыпались. Валентина бросилась на улицу. Оказалось, что по улице ехал извозчик и, как начался обстрел, ушел в какой-то дом. И бомба как раз попала в телегу. Лошадь разорвало на куски. Место происшествия сразу же оцепили, чтоб голодные люди не растащили куски мяса.

— Голод, голод, всегда голод. А еще осенью 1941-го у меня карточки вытащили. Всё, смерть. Но нас спасла мамина знакомая тетя Клава, отдав одну карточку. У нее

в семье было четверо, и как раз умер муж. Его карточку и отдала, хотя у нее самой был маленький ребенок, трехлетняя Наденька, — вспоминает Валентина Алексеевна. — В то время моя мама, Александра Александровна Гришина, работала на кожевенном заводе. От заготовок оставались кусочки шкурок. Их опаливали и затем из этих кусочков делали студень. Студень, конечно, был ужасен. Но ели. Кусок студня мама отнесла тете Клаве. Та потом рассказывает: «Представляете, я положила студень на тарелку и поставила ее на шкаф, на самую верхотуру, думая, что вечером поедем. Так моя Надька, уж не знаю как, подставив стул, на шкаф вскарабкалась и всю тарелку вылизала».

Но источник «дополнительного продовольствия» просуществовал недолго, потом уже кусочки шкурок не давали.

— Как-то к нам в квартиру пришла врач, спросила: «Как? У вас рыбой пахнет! Где это вы рыбу достали?» А то не рыба была, а рыбий жир. У нас оставалась склянка рыбьего жира. Мы его по каплям в кастрюлю с водой добавляли, чтоб «супом пахло», — перечисляет «блокадное меню» Валентина Алексеевна. — За хлебом я ходила, очереди отставала. Выходила в потемках, часами стояла возле булочной. Рассветет, и с удивлением видишь, как по твоей одежде или по одежде стоящих рядом людей то и дело пробегают вши (дома-то, в темноте, и не разглядишь). Завшивлены люди были. Ну вот, получишь хлебушко и как драгоценность домой несешь. Разделишь на три части (нас трое было — мама и я с братиком, отец уже воевал на фронте), а потом еще на малюсенькие кусочки, подсушишь хлебушко на буржуйке. Он же клекий был. А так — берешь подсушенный кусочек в рот, и он потихоньку тает, тает, и создается ощущение, что ты все кушаешь и кушаешь. Обманка такая.

— Брат Толя умер в марте 1943-го, — продолжает рассказ Валентина Алексеевна и не может сдержать слез. — Перед смертью, ночью, все пить просил. Ну что, завернули мы его во что-то, повезли на саночках на 8-ю линию, там машина стоит «по приемке». Нам говорят: «Чего ревете-то? Радуйтесь, этих мы сразу на место повезем». То есть не через «перевалочный пункт», а сразу на кладбище. Но на какое именно, они еще сами не знали. Вот только недавно я узнала из архивных документов, где братика похоронили. На Пискаревском.

Валентина Алексеевна никогда за себя не просила.
Но сейчас ситуация у нее безвыходная...

«НАС, ШКОЛЬНИКОВ, ЛЕТОМ НАПРАВЛЯЛИ НА СЕЛЬХОЗРАБОТЫ, ЗИМОЙ — В ГОСПИТАЛЬ, УХАЖИВАТЬ ЗА РАНЕНЫМИ»

Когда началась блокада, занятия в школе отменили. Двенадцатилетнюю Валентину Гришину вместе с другими школьниками призвали на защиту города. Зимой ребята работали в госпитале, ухаживая за ранеными. И в частности, помогали тяжелораненым писать письма домой. Как вспоминает Валентина Алексеевна, часто приходилось пробираться по улицам в темное время суток. Так что ребятам выдали специальные светящиеся значки. Идешь по чернеющей улице, видишь — впереди как звездочка маячит, значит, человек идет. А летом школьников отправляли на сельхозработы, в основном на прополку и на сев.

— Знаете, чувство страха — очень странное. Бомб не боялись. Но когда приехали на эти сельхозработы и нас посели-

ли в каком-то заброшенном клубе, девчонки перепугались. Там крысы шныряли, и мы, пережившие бомбежки и голод, страшно их боялись. Кровати на ночь сдвигали, чтоб быть поближе друг к другу, — вспоминает Валентина Алексеевна. — И все время нам хотелось есть.

Постоянное чувство голода чуть не довело до беды. Как вспоминает Валентина Алексеевна, неподалеку от клуба был чей-то огороженный участок, на котором были ухоженные грядки. И на тех грядках девчонки заметили уже вполне созревшие огурцы. Огурцов было много, девчонки были голодные. Не выдержали, залезли на чужой огород.

— Но собрать огурцы мы так и не успели. Вдруг откуда ни возьмись прибежал хозяин с вилами. И на нас — этими вилами, кричит: «Заколю!» Мы — врассыпную. Я бегу, слышу, он уже догоняет меня. А передо мной впереди канава какая-то, по краю которой густой кустарник. Я туда забилась, глубоко в кусты. Он подбегает, тыкает, тыкает вилами. Очень страшно